

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. – Л., 1972. – С.78.
2. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974. – С. 44.
3. Иванчикова Е.А. О структурной факультативности и структурной обязательности в синтаксисе // Вопросы языкознания. – 1965. – № 5. – С. 84-95.
4. Кирпичникова Н.В. К изучению семантики сложного предложения современного русского языка (на материале бессоюзных конструкций со значением мотивации) // Вестн. Моск. ун-та: Сер.9. Филология. – 1981. – № 2. – С.36.
5. Шендельс Е.И. Отрицание как лингвистическое явление // Учен. зап. 1-го Моск. гос. пед. инст-та ин. яз. им. М. Тореца: Общее языкознание, грамматика, лексикология и стилистика. – Т. 19. – М., 1959. – С. 45–57.
6. Золотова Г.А. Глагольные словосочетания и их типы в современном русском литературном языке: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1954. – С. 70-71.
7. Бунина М.С. Двухкомпонентные сложные предложения в современном русском языке // Уч. зап. МГПИ им. В.И. Ленина, № 264. – М., 1967. – С. 70-81.
8. Бардина Л.В. Бессоюзная причинная связь в двухкомпонентных и многокомпонентных предложениях: Дис. ...канд. филол. наук. – М., 1970. – С. 119.
9. Глинкина Л.А. К вопросу о бессоюзном сложном предложении в языке древнерусских памятников XVI–XVII вв. – М., 1962. – С. 15.

S. Martynova

CONJUNCTIONLESS COMPOUND SENTENCES WITH CAUSAL SEMANTICS: THE SUBJECT, CONSTRUCTION, THE MODALITY

Abstract. In article the conjunctionless compound sentence with causal semantics is considered, the subject, construction, a subjective modality of the given designs are described, their groups depending on the lexical meaning and structure are presented.

Key words: conjunctionless compound sentences, causality, a consequence, motivation, semantic valency, implication of sense, the aspectual-temporal plan of verbs-predicates.

УДК 82:81-26; 82:81'38

Никульцева В.В.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НЕОЛЕКСИКОНОВ
СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА И ВЛАДИМИРА МАЯКОВСКОГО*

Аннотация. В данной статье произведен сопоставительный анализ неолексиконов С. Есенина и В. Маяковского. Установлено, что Есенин нечасто прибегает к созданию неологизмов, которые по форме и содержанию напоминают областные и устаревшие слова и являются для поэта дополнительным способом выразить своё отношение к окружающему миру. Напротив, многочисленные экспрессивные неологизмы Маяковского, отличаясь многообразием моделей и стилистических нюансов, близки к разговорно-бытовому просторечию 20–30-х гг. XX века и, будучи введены в художественный и публицистический текст, служат средством порождения «языковой эквилибристики» – игры слов, иронии, паронимической аттракции и мн. др.

Ключевые слова: словотворчество, узловые и окказиональные способы деривации, неолексикон, индивидуально-авторский

* © Никульцева В.В.

Статья подготовлена в рамках проекта № 09-04-95589 м/мл, поддержанного Российским гуманитарным научным фондом

неологизм, художественный текст, Серебряный век, сравнительный анализ неологизмов, словари языка писателей.

В круг задач, стоящих в XXI веке перед наукой о языке художественной литературы, входит, в частности, постановка проблемы сравнительного изучения языка писателей. В рамках этой проблемы представляет несомненный интерес исследование поэтического языка В. Маяковского и С. Есенина. Подобное исследование, во-первых, предполагает сопоставительный анализ неолексиконов двух очень непохожих поэтов, принадлежащих к разным литературным направлениям. Во-вторых, представляет огромный интерес изучение фактов функционирования идентичных окказионализмов в поэтических текстах и вытекающая отсюда проблема определения путей заимствования или параллельного образования неологизмов.

Первое направление работы не привлекало внимание филологов – как русистов, так и литературоведов, специализирующихся в

области языка и стиля художественной литературы. Второй стороне проблемы было уделено внимание в статье Б.И. Осипова «Сравнительный анализ некоторых неологизмов С.А. Есенина и В.В. Маяковского» [11]. Вопросам функционирования идентичных окказионализмов в поэтических текстах С. Есенина и В. Маяковского посвящена также наша статья «Идентичные неологизмы в поэтическом языке Владимира Маяковского и Сергея Есенина» [9].

Поскольку исследование, посвящённое полному описанию неолексикона С. Есенина, не было предметом пристального внимания в современной филологической науке (чаще рассматривались отдельные неологизмы и диалектизмы; напр., словарь Б.И. Осипова «Неологизмы, устаревшие и областные слова в языке поэзии С.А. Есенина» содержит ряд недостатков, т. к. в неолексикон С. Есенина некритически введён значительный пласт узуальных слов и индивидуально-авторское словотворчество не представлено во всём объёме [10]), мы осуществили тщательный анализ его индивидуально-авторской лексики в поэтических текстах. Отбор материала производился на базе полного собрания сочинений поэта [6]. Неологизмам В. Маяковского посвящено огромное количество исследований [3; 4; 12; 19; 1; 2; 16; 17; 18; 13; 5; 15 и др.]. Мы производили выборку отдельных слов из «Словаря неологизмов В.В. Маяковского» Н.П. Колесникова [7], вместе с тем привлекая контексты из ПСС Маяковского [20], и сверяли их со сходноструктурными неологизмами С. Есенина. Привлечение данных из ОР РНБ и ОР ИРЛИ (СПб.) помогло также провести сравнительный анализ сходноструктурных и идентичных неологизмов в поэтическом языке С. Есенина, В. Маяковского и других поэтов Серебряного века.

Окказиональные образования нечасто встречаются в языке есенинской поэзии, что говорит о тщательном отборе автором красок словесной палитры и, следовательно, о его тонком языковом вкусе. Зафиксировано и выделено в особый корпус поэтизмов около 250 окказиональных лексических единиц, произведённых поэтом различными способами деривации, самые распространённые среди которых – суффиксальный (около 120 слов), безаффиксный, или нулевая суффиксация, (около 40 единиц), суффиксально-сложный (около 20 слов), основосложение (около 20 слов) и префиксальный (около 20 слов). Как утверждает Н.П. Колесников, «в арсенале слов, созданных В.В. Маяковским, находят-

ся до 2000 словесных единиц» [7: 7], однако не все они включаются в корпус словаря, что несколько затрудняет анализ неолексикона «певца революции». В трудах отечественных лингвистов наиболее изучены глаголы, причастия и существительные В. Маяковского. Тщательный лингвистический анализ всех новообразований поэта содержится только в исследованиях А. Гумецкой [1; 2].

Наиболее частотны в поэзии С. Есенина, как, впрочем, в поэзии Серебряного века в целом, суффиксальные образования. Новообразования построены с использованием целого спектра суффиксальных морфем, из которых наиболее экспрессивны суффиксы оценки: уменьшительно-ласкательные, увеличительности, со значением неполноты признака и др.: *тучица* ‘большая тучка’ (1, 63 – здесь и далее указывается том и страница по ПСС С. Есенина [6]); *гармоница* ‘гармонь’ (4, 193); *кленёночек* (от гипотетического *кленёнок**) ‘молодой клён’ (1, 16), ‘лист клёна’ (1, 306; 1, 331); *непогодина* ‘дождливая погода’ (1, 184); *притчина* ‘длинная притча’ (3, 116–117; 3, 374); *крысина* ‘большая крыса’ (4, 251); *шумота* ‘шум, гам, крик’ (1, 47); *пустырьё* ‘пустые места, пустыня’ (3, 334); *приятца* ‘приятное впечатление’ (1, 213); *голубень* ‘что-л. голубое’ (4, 236), ‘что-л. хорошее, приятное’ (1, 79); *громовень* ‘громовой крик, вой’ (4, 69). Данные новообразования созданы в духе кубофутуристических традиций, т. к. семантически, деривационно и стилистически сближаются с новообразованиями В. Маяковского, ср.: *ангелица* ‘женщина-ангел’ (7, 11 – здесь и далее указывается том и страница по ПСС В.В. Маяковского [20]); *меньшевичок* ‘презрит.: меньшевик’ (2, 28); *любёночек* ‘ласкат.: детёныш любви’ (1, 177); *крокодилёнок* ‘детёныш крокодила’ (4, 41); *актрисина* ‘презрит.: актриса’ (11, 172); *бациллина* ‘увеличит.: бацилла’ (5, 221); *бараньё* ‘презрит. собир.: бараны’ (9, 255); *валютца* ‘смягчит.: валюта’ (7, 211) и др. (соответствий словам с суффиксом *-ень* не обнаружено).

Отдельную группу в есенинском неолексиконе образуют абстрактные существительные, образованные посредством суффикса *-ость*: *равнинность* ‘тоска равнинного простора’ (1, 247); *лунность* ‘лунный свет’ (1, 236; 4, 220; 4, 234; 4, 315), ср. у К. Балмонта, В. Иванова и Игоря-Северянина; *огненность* ‘жар, жжение огня’ (4, 204); *разымчивость* ‘способность возбуждать’ (1, 80); *неизречённость* ‘безмолвие, невысказанность’ (1, 78); *млечность* ‘звёздный простор’ (1, 85), факт образования которых говорит о

том, что в своём словотворчестве С. Есенин отдавал дань эстетике символизма. У В. Маяковского таких абстрактов на *-ость*, по сравнению с отсубстантивными и отглагольными образованиями на *-ение* и *-ство*, встречается намного меньше, что связано с его осознанным отказом от отвлечённости идей и смыслов, с тягой к «опредмечиванию», конкретизации ситуаций и вещей, ср.: *безвалютность* ‘неприменение валюты’ (13, 134); *долгость* ‘продолжительность’ (12, 98); *неинтересность* ‘свойство неинтересного’ (12, 108) и некоторые др.

Среди адъективных слов, построенных С. Есениным на базе субстантивных основ, привлекает внимание небольшое (по сравнению с качественными и притяжательными прилагательными) количество относительных прилагательных, причём в ряде случаев налицо переход прилагательных из одного лексико-семантического разряда в другой, чему способствует не столько семантика аффикса, сколько семантика корневой морфемы: *дуровый* ‘дурной, бесшабашный’ (3, 184; 3, 425); *лиховой* ‘залихватский, бойкий’ (1, 230); *хмаровый* ‘тёмный, туманный’ (4, 107); *быдластый* ‘агрессивный, упрямый’ (3, 160); *скатый* ‘со скатом, пологий’ (1, 47); *смолый* ‘пахнущий смолой’ (1, 110); *златный* ‘цвета золота, лучезарный’ (1, 302), ср. с наречием Игоря-Северянина, имеющим реальное производящее прилагательное: *златно перевитый паутинкой лесок*; *златно окрыленье весла*; *пуховитый* ‘похожий на пух, мягкий’ (4, 83); *лошажий* ‘лошадиный’ (1, 177; 3, 285), ср. у В. Маяковского: *лошажья туша, нога, лошажье ржанье, тело*; *подросточий* ‘подростковый’ (1, 383) и др. Прилагательные-эпитеты С. Есенина не обладают яркой стилистической окраской, почти незаметны в тексте, а некоторые имеют оттенок сниженности, близки к диалектным и просторечным словам. В неолексиконе В. Маяковского особо экспрессивны адъективные образования с суффиксами *-ов-*, *-ин-* и *-ий-*, поскольку они часто образуются от основ неодушевлённых существительных, что не типично для деривации притяжательных прилагательных: *автомобилий* ‘принадлежащий автомобилю’ (1, 254); *бутылочий* ‘бутылочный’ (7, 285); *миноносий* ‘принадлежащий миноносцу’ (1, 80); *небий* ‘небесный’ (1, 409; 6, 321; 6, 338); *язычий* ‘языковой’ (6, 13), ср. у Игоря-Северянина: *язычий смех*; *примусовый* ‘принадлежащий примусу’ (8, 371), *облаков* ‘облачный’ (4, 128), ср. у Игоря-Северянина: *облаковый парик*; *ветров* ‘ветряной’ (5, 88);

аппаратов ‘относящийся к аппарату’ (9, 8; 11, 69); *атлантин* ‘принадлежащий Атланте’ (5, 136; 6, 139); *палаткин* ‘палаточный’ (11, 23); *чахоткин* ‘связанный с чахоткой’ (10, 284) и мн. др.

Окказиональные глаголы в неолексиконе С. Есенина занимают едва ли не одно из последних мест по частотности употребления, чего нельзя сказать о применении глагольных новообразований В. Маяковским, который в соответствии с динамикой и ритмикой текста использует огромное количество вербальных построений.

Немногочисленные отсубстантивные глаголы в неолексиконе С. Есенина относятся к IV и III словоизменительным классам: *узорить* ‘рисовать узоры’ (1, 75); ср. с деепричастием Игоря-Северянина: *красочно узоря грёзы*, ср. у Б. Пастернака: *ночное зарево полощется, узорясь*; *дозорить* ‘стоять в дозоре; наблюдать’ (4, 56); ср. у Игоря-Северянина: *дозорит солнце*; *загадочно дозоря лик*; ср. со словоупотреблением М. Цветаевой: *мы для иных дозорим эпох*; *калифствовать* ‘вести себя как калиф; царствовать’ (3, 161). Отвербативные глаголы относятся к I и V словоизменительным классам: *напузыривать* ‘надувать пузырь’ (3, 97); *вззвенивать* ‘периодически звенеть’ (1, 65), ср. с др. неологизмом С. Есенина – *вззвенеть* (3, 38 и др.); *бавкнуть* ‘громко крикнуть, рывкнуть’ (1, 62); *прозвякнуть* ‘прозвенеть единожды’ (1, 211).

У В. Маяковского встречаются глаголы всех словоизменительных классов и непродуктивных словоизменительных групп, но особо любимы им глаголы, включающие в свой состав суффиксы *-ну-*, *-и-*, *-урова-*: *агитнуть* ‘выступить с агитацией один раз’ (9, 57), *карабкнуться* ‘поскрестись единожды’ (11, 26), *крапнуть* ‘упасть мелкой каплей’ (2, 256), *акварелить* ‘писать акварельными красками’ (4, 113), *булавить* ‘колоть булавкой’ (4, 316), *клёшить* ‘демонстрировать брюки-клёш’ (2, 10), *автомобилировать* ‘управлять автомобилем’ (7, 308), *блефировать* ‘обманывать, запугивая’ (12, 326) и др. Следует отметить, что приставочных, приставочно-суффиксальных, суффиксально-постфиксальных и приставочно-суффиксально-постфиксальных глагольных неологизмов в неолексиконе В. Маяковского значительно больше, чем суффиксальных, что связано, вероятно, с нежеланием автора выражать действие через новое слово только посредством корневой морфемы. Разнообразные служебные аффиксы, участвующие в построе-

нии глаголов, создают стилистический эффект, необходимый новообразованиям В. Маяковского, ср.: *буквиться* 'выделяться наподобие букв' (8, 95), *вплесниться* 'проникнуть во что-л. подобно плесени' (4, 167), *взбарабанить* 'начать энергично барабанить' (4, 103; 6, 112), *довероваться* 'поверив во что-л., довести себя до неприятных последствий' (3, 107), *омертвечиваться* 'превращаться в мертвеца' (4, 257), *разгимнастировать* 'развить, занимаясь гимнастикой' (4, 117; 12, 55), *расцицерониться* 'красноречиво и долго выступить, как Цицерон' (11, 545) и мн. др. Подробный анализ глагольных новообразований содержится в ряде исследований [4; 15; 16].

В области образования синкретичных частей речи С. Есенин не отличается оригинальностью, т. к. создаёт только страдательные причастия прошедшего времени на базе потенциальных приставочных глаголов совершенного вида: *перехарканный* 'заплёванный' (3, 132; 3, 382); *разнаряженный* 'разукрашенный' (3, 375); *обосёненный* 'происходящий осенью; рождённый осенью' (1, 235). В. Маяковский же, напротив, очень активно использует суффиксацию при построении всех видов причастий – как действительных, так и страдательных – от реальных и гипотетических глаголов, избирательно и виртуозно используя эту часть речи как стилистическое средство, соединяющее в себе функцию эпитета и метафоры: *бахромящий* 'покрывающий бахромой' (4, 148), *кинокривляющийся* 'о комике: кривляющийся на экране' (11, 410), *вцеливший* 'нацеливший' (4, 30), *исседевший* 'поседевший полностью' (4, 389), *взорсённый* 'с приподнятым ворсом' (11, 12), *вкресленный* 'насилно посаженный в кресло' (7, 134), *залёжанный* 'такой, в котором долго лежали' (1, 176), *вылистанный* 'такой, который закончили листать' (7, 29), *загретый* 'утомлённый теплом' (1, 268) и проч.; ср. с ненормативными образованиями типа: *вспомненный* (9, 363), *реемый* (2, 12), *мечтаемый* (4, 134), *óранный* (8, 260). Единичные случаи употребления страдательных причастий настоящего времени типа *непродуваемый* (9, 431), *непродыхаемый* (9, 431), *неиссыхаемый* (9, 387) следует признать не суффиксальными, а циркумфиксными образованиями в неолоксиконе В. Маяковского, функциональное назначение которых связано с клишированием текста, его пародийно-официальной направленностью.

В поэтическом языке С. Есенина было найдено только одно деепричастие совершен-

ного вида, образованное на базе гипотетического приставочного возвратного глагола: *разжелудясь* 'покрывшись желудями' (1, 216; 1, 359). В языке произведений В. Маяковского содержится достаточно большое количество деепричастий, представляющих собой как ненормативные формы узуальных глаголов (*взбежа* – 6, 112; *ознаменя* – 11, 393; *приобрёв* – 4, 252; *носивши* – 8, 41), так и образования на базе гипотетических неологизмов: *балдя* 'подшучивая, говоря о пустяках' (11, 26); *орля* 'взмахивая, как орёл' (9, 109); *взгудев* 'заставив гудеть' (5, 28); *всинясь* 'вонзившись в синее' (5, 134); *высияв* 'излучив сиянием' (4, 350); *иззмеив* 'исползав, подобно змее' (4, 30); *сбаякав* 'усыпив' (5, 381) и др.

Немногочисленные наречия производятся С. Есениным на базе суффиксации как качественных реальных, так и относительных гипотетических прилагательных, прошедших этап «окачества»: *ливисто* 'взахлёб' (1, 208); *потайственно* 'потаённо, скрытно' (4, 115); *настно* 'с силой; солнечно, радуясь' (ср. *наст*, (*не*)*настный*) (4, 273); *монашьи* 'как монах, смиренно' (1, 110) и др. В языке произведений Маяковского окказиональные наречия по степени употребления также занимают одно из последних мест, будучи в большинстве случаев произведены от реальных, а не окказиональных адъективных основ: *глазасто* (5, 291), *евнушески* (1, 289), *камергерски* (5, 138), *лаково* (6, 61), *узколобо* (9, 123); ср.: *ахово* 'вызывающе безвкусно' (1, 252); *взлихораденно* 'возбуждённо, как в лихорадке' (10, 57); *тангово* 'как при исполнении танго' (4, 125); *титанисто* 'титанически' (4, 117) и др.

Таким образом, суффиксальный способ словопроизводства очень любим и С. Есениным, и В. Маяковским. Особенно продуктивна суффиксация в сфере образования окказиональных существительных и прилагательных (С. Есенин), глаголов и причастий (в языке поэзии В. Маяковского).

Второе место по значимости для С. Есенина занимает безаффиксный способ образования слов (нулевая суффиксация); см. об этих новообразованиях, напр., работу В.В. Лопатина [8]. Отсубстантивные и отадъективные безаффиксные существительные относятся к III субстантивному типу склонения: *бредь* 'бред, вздор' (1, 179); *шелесть* 'шелест' (1, 259); *нивь* 'нива, поле' (3, 382); *сочь* 'время движения соков; лето' (3, 177); ср. у Игоря-Северянина: *июльская сочь* и др. Отглагольные безаффиксные образования относятся как к III, так и к I и II субстантивным

типам склонения: *морщь* ‘морщинистый лик’ (1, 176); *индевь* ‘пена, похожая на иней’ (3, 138; 3, 388); *ухлюп* ‘хлюпанье’ (4, 108); *опада* ‘опавшие листья’ (4, 108).

«Очень развита у Маяковского категория сокращённых имён, построенных на “нулевом” суффиксе» [15: 118]. В качестве примеров можно привести неологизмы *алчь* ‘жадность’ (9, 273), *бескультурь* ‘бескультурье’ (9, 115), *бух* ‘буханье’ (2, 134), *вылеп* ‘вылепленный предмет’ (1, 269), *горлань* ‘крики, издаваемые тем, кто горланит’ (4, 167), *гушь* ‘густота; гуща’ (3, 152), *ёжь* ‘состояние по глаголу *ёжиться*; то, что съёжилось’ (4, 179; 5, 154), *загробь* ‘загробная жизнь’ (4, 180) и мн. др. Большинство маяковских новообразований произведено от глаголов, реже – от имён прилагательных и существительных, и поэтому они обладают абстрактной и собирательной семантикой.

Суффиксально-сложный способ образования новых слов в именном словотворчестве С. Есенина представлен многочисленными образованиями, сконструированными на базе подчинительных отношений существительного и прилагательного: *темнолесье* ‘тёмные, дремучие леса’ (1, 383); *терпкопенный* ‘бушующий, как вино’ (3, 274); *красношёрстный* ‘обросший шерстью цвета крови’ (3, 262; 3, 263); *стозвонный* ‘звнящий на все лады; напевный, симфоничный’ (1, 39); ср. у Игоря Северянина: *стозвонный аромат куртин*; ср. с существительным С. Есенина *стозвон* (1, 17); *чисточетверговый* ‘поставленный в чистый четверг (православный праздник); безгрешный’ (1, 126); глагола и существительного: *ратобоец* ‘тот, кто борется с ратью’ (4, 68); *кровопрвод* ‘приспособление, по которому течёт кровь; вены и сосуды’ (4, 214); *листолеёт* ‘листопад по ветру’ (3, 21; 3, 235; 3, 238; 3, 242); существительного и существительного: *среброзвонный* ‘звнящий, как серебро’ (1, 82); *среброколенный* ‘обладающий коленями цвета серебра’ (3, 200); *скуломордый* ‘обладающий скуластой мордой’ (3, 34); *шишкопёрый* ‘похожий на шишки и перья’ (1, 97) и др.

Среди многочисленных существительных и прилагательных, образованных В. Маяковским сложением с суффиксацией, можно отметить как двухкорневые, так и трёхкорневые образования, нехарактерные для словотворчества С. Есенина: *блинорожие* ‘рожа, похожая на блин’ (8, 185); *блюдорубелиз* ‘тот, кто угождает кому-л. из корыстных убеждений’ (7, 208–209); *войнопевец* ‘тот, кто воспекает войну’ (12, 41); *звездолёт* ‘падение

звёзд, метеоритов’ (4, 177); *равномордие* ‘обладание правом безнаказанно бить по морде всех в равной мере’ (3, 116); *электросамобритель* ‘электробритва’ (6, 342); *электростригобрей* ‘бритьё и стрижка с помощью электроинструментов’ (11, 207); *бубликодеятельный* ‘такой, который делает бублики’ (7, 300); *быкомордый* ‘имеющий морду как у быка’ (1, 215); *верблюдокорабледраконий* ‘состоящий из верблюдов, кораблей и драконов’ (4, 127); *живогазетский* ‘относящийся к живой газете’ (12, 301); *жидкокостый* ‘хилый, слабый’ (2, 163); *зверорыбий* ‘относящийся к существу, являющемуся и зверем, и рыбой’ (4, 75); *многодесятимиллионный* «состоящий из многих десятков миллионов кого/чего-л.» (12, 358); *тричетвертиаршинный* ‘размером в три четверти аршина’ (7, 272) и проч. Способом сложения с суффиксацией В. Маяковский производит также глаголы, соответствия которым нет в неолексиконе С. Есенина: *железнодорожить* ‘ездить по железной дороге’ (4, 124–125); *железнодорожничать* ‘работать на железной дороге’ (6, 154); *черносотенствовать* ‘быть реакционером-монархистом’ (12, 463) и др.

Сложные существительные, построенные способом основосложения («компактслова» по терминологии Д. Бурлюка), в текстах С. Есенина встречаются крайне редко: можно отметить такие единичные образования, как *крутосклон* ‘крутой склон’ (1, 79) и *стозвон* ‘звон, слитые в один гармонический лад’ (1, 17). Что же касается сложных прилагательных, то они конструируются С. Есениным только на основе сочинительных отношений двух адъективов и в достаточно большом количестве функционируют в поэтических текстах. В ряде случаев семантика обеих частей слова однородна: *златокарий* (1, 187); ср. у А. Белого: *златокарие края* облаков; ср. у Игоря Северянина: *злато-карие очи*; *старо-новый* ‘о бочке: используемый не раз, но непочатый’ (4, 251), но чаще преобладают номинации синтетических признаков: *розово-смадный* ‘об “огне свободы”’: цвета размытой крови и воняющий трупами’ (3, 161); *тягуче-колкий* ‘о песне: длинный и колющий’ (1, 335) и т. д. Орфографический комплекс новооформленного слова представлен в равной степени традиционно (дефисное написание построенного на базе сочинительной связи двух слов сложного прилагательного) и нетрадиционно (слитное написание сложного прилагательного).

Маяковский намного активнее использует словосложение как способ образования

новых лексических единиц, относящихся к основным частям речи, – существительных: *автомехановышибала* ‘автоматический и механический вышибала’ (10, 82); *богодурак* ‘человек, восхваляющий бога безумно и постоянно’ (12, 376); *богодьявол* ‘фантастическое существо, являющееся одновременно и богом, и дьяволом’ (1, 115); *времятрясение* ‘сильное колебание времени’ (11, 283); *звездомедведь* ‘созвездие Большой Медведицы’ (10, 151); *носозадиране* ‘зазнайство’ (12, 136); *стиховечер* ‘вечер поэзии’ (7, 330), ср. у Игоря-Северянина: *поэзовечер*; прилагательных: *древнепровинциальный* ‘провинциальный с древнейших времён’ (4, 255); *камнекрасный* ‘сделанный из красного камня’ (9, 13); *лазоревосинесквозной* ‘лазоревый, синий и сквозной одновременно’ (4, 117); *лингвокритический* ‘относящийся к лингвистике и литературной критике’ (12, 463); глаголов: *делопроизводить* ‘вести канцелярские дела’ (1, 374); *новоро́дить* ‘делать новорождённым; возрождать’ (1, 183–184); *нотопускать* ‘издавать музыкальные звуки’ (5, 396); *огнеплекать* ‘приветствовать огнём’ (4, 129); *полководить* ‘водить полки; командовать’ (4, 121); *самосогреваться* ‘согреть себя собственной теплотой’ (3, 154) и мн. др.

Префиксация в основном распространена в сфере образования глаголов, однако у С. Есенина наблюдаются единичные префиксальные субстантивные дериваты, которые характеризуются грамматическим изменением типа склонения по отношению к типу склонения производящего слова, напр., *вспург* ‘занос пурги’ (3, 30; 3, 264; 3, 336; 3, 337; 3, 144; 3, 150; 3, 395). Разнообразие приставок формирует оттенки значения глагольных неологизмов С. Есенина: *влакать* ‘проглотить, слизнуть’ (3, 11); *вранить* ‘воткнуть в рану’ (4, 237); *вневольтить* ‘засадить в тюрьму; грубо лишить воли’ (3, 202; 3, 204); *вззвенеть* ‘зазвенеть’ (3, 38; 3, 246; 3, 296); *взбыстрить* ‘подтолкнуть’ (3, 17; 3, 228); ср. *взбыстрить* ‘сделать быстрой, молниеносной’ (1, 108); *загузынить* ‘занудить, затянуть’ (1, 62); *запузырить* ‘забросить, вздуть пузырь’ (3, 272; 3, 273); *накопытить* ‘натоптать, напачкать’ (1, 215); *наковеркать* ‘принести много несчастий; изломать’ (3, 194); *вылюбить* ‘израсходовать любовью’ (1, 269); *излюбить* ‘сделать падшей, грязной половым способом’ (1, 171); *отосниться* ‘закончить сниться; развеяться в грёзах’ (1, 72); *отскандалить* ‘перестать быть скандалистом’ (1, 182); *прознобить* ‘об ознобе: одолеть’ (3, 170); *протворить* ‘повторить ещё раз’ (4,

30) и др.

Для словотворчества В. Маяковского характерен огромный спектр префиксов, создающих экспрессивные именные и глагольные новообразования: *антилитература* ‘устные и письменные выступления, направленные против художественной литературы’ (12, 192); *безработа* ‘отсутствие работы’ (8, 241–242); *досъёмка* ‘дополнительная съёмка’ (12, 356); *неджентльмен* ‘человек, не имеющий качеств джентльмена’ (13, 273); *незатруднение* ‘отсутствие или устранение трудностей’ (7, 377); *панфутуристы* ‘название небольшой группы украинских футуристов, существовавшей в начале 20-х гг. в Киеве’ (13, 218); *перекопия* ‘копия с копии’ (11, 341); *поднебеса* ‘поднебесье’ (10, 258); *додвадцатилетний* ‘не достигший 20-летнего возраста’ (7, 173); *дозаграничный* ‘относящийся ко времени до пребывания за границей’ (4, 229); *пресволочной* ‘в высшей степени подлый’ (6, 49); *разбольшуший* ‘очень большой’ (7, 66); *расканцелярский* ‘в высшей степени бюрократический’ (9, 17); *взбарабанить* ‘начать энергично барабанить, призывая к чему-л.’ (4, 103); *власкаться* ‘ласкаясь, войти в доверие к кому-л.’ (11, 161); *воскрести* ‘освятить, крестя’ (3, 449); *вызвенеть* ‘закончить издавать звуки с металлическим оттенком’ (7, 59); *вышептать* ‘шёпотом рассказать всё полностью’ (7, 43); *долюбить* ‘закончить любить’ (4, 182); *заиздеваться* ‘начать издеваться’ (12, 52); *извеселить* ‘наполнить весельем’ (4, 51); *изласкать* ‘страстно осыпать ласками’ (1, 47; 1, 153–154), ср. с причастием Игоря-Северянина: *глаза изласканной сестры*; *назаработать* ‘заработать в большом количестве’ (13, 125); *обдрябнуть* ‘стать дряблым’ (4, 77; 6, 248; 9, 324); *отнивелировать* ‘уничтожив различия между кем/чем-л., приспособить к кому/чему-л.’ (12, 322); *повзвесить* ‘взвесить всё или многое’ (7, 221); *повылинять* ‘вылинять полностью или большей частью’ (2, 219); *подрасеяться* ‘слегка, постепенно рассеяться’ (12, 95); *позаразить* ‘заразить всех или многих’ (9, 500); *приплюнуть* ‘плюнуть слегка’ (5, 318); *прожидать* ‘ожидать длительное время’ (6, 301); *процеловать* ‘зацеловать’ (4, 72); *разглазеть* ‘внимательно рассмотреть’ (9, 293; 13, 186); *размёрзнуть* ‘оттаять’ (11, 265); *сбазарить* ‘продать, поторговавшись, как на базаре’ (6, 464); *сморщиניתь* ‘собрать в морщины’ (9, 100) и мн. др.

Можно вполне согласиться с утверждением В. Тренина, отмечавшим, что Маяковский «в своём языковом творчестве использовал все возможности производства

приставочных глаголов, представленные богатой грамматической структурой русского языка» [15: 147]: «Самая богатая область словотворчества Маяковского: создание новых глаголов путём присоединения к обычным формам глагола различных приставок» [15: 128].

Циркумфиксация как способ образования прилагательных, глаголов и наречий не играет такой значительной роли в словотворчестве С. Есенина, как у Маяковского. Есенинские приставочно-суффиксальные образования единичны: *безмогильный* 'о мертвец: не захороненный' (3, 286); *безмясый* 'о шее мертвеца: костлявый, истлевший' (3, 25), ср. у В. Маяковского: *безмясый век*, ср. у В. Хлебникова: *безмясая пьаниц толпа*; *ошафранить* 'напитать запахом шафрана' (1, 261); *окровить* 'о закате: залить кровью' (1, 64); *выпеснить* 'выразить в песне; воспеть' (1, 149); *отколчакивать* 'о Колчаке: отступать, убегать' (3, 133; 3, 384); *по-сучьи* 'как сучки, злые собаки' (4, 262); *по-воровьи* 'как воры, по-воровски' (1, 332).

Разнообразие префиксально-суффиксальных моделей в словотворчестве В. Маяковского, по которым строятся глаголы, существительные, прилагательные и наречия, определяет и многообразие новообразований, многие из которых отличаются стилистической и экспрессивной маркированностью: *безбурье* 'отсутствие бури' (1, 356); *безножье* 'отсутствие ног' (10, 62); *безгалошный* 'не имеющий галош' (5, 277); *безузорный* 'не имеющий узоров' (1, 38); *прикнопить* 'прикрепить кнопками' (11, 263); *прискульптурить* 'присоединить к скульптуре' (9, 276); *просолнить* 'осветить солнцем' (2, 443); *обмускулить* 'превратить в мускулы' (9, 494); *обесканцелярить* 'лишить канцелярии' (11, 342); *распеснить* 'распространить при помощи песен' (4, 50); *ступить* 'сделать тупым' (2, 23), *по-действительному* 'в действительности' (12, 397); *по-зверьи* 'подобно зверю' (1, 90) и мн. др.

По сравнению с циркумфиксацией префиксально-суффиксально-постфиксальный способ непродуктивен в есенинском словотворчестве. Поэт нечасто моделирует подобные глаголы, отмеченные оттенком разговорности: *засекретариться* 'засидеться в секретарях'; *забочениться* 'завалиться набок; покоситься' (1, 60); *расхлябаться* 'растечься ручейками' (4, 106); *вкогтяться* 'вцепляться когтями' (3, 227).

В. Маяковский намного активнее продуцирует новые глаголы посредством префик-

сально-суффиксально-постфиксального способа, причём новообразования также несут характер сниженности: *взвоздываться* 'вонзаться' (11, 81); *заколхозиться* 'украситься колхозами' (11, 639); *иззахолустничаться* 'стать провинциалом' (1, 119); *обваленковаться* 'обзавестись валенками' (11, 526); *оборангутаниться* 'превратиться в орангутанга' (11, 137); *перевечниться* 'устареть' (4, 63); *поулыбливаться* 'улыбаться время от времени' (4, 133); *раздождиться* 'пролиться дождём' (6, 139–140); *раскиселиться* 'разлиться подобно киселю' (5, 87) и проч.

Остальные морфологические способы образования новых слов в языке С. Есенина встречаются крайне редко. Среди индивидуально-авторских слов, образованных С. Есениным неморфологическими способами, отсутствуют те, что образованы суффиксидным способом, сокращением с суффиксацией, приставочно-суффиксально-сложным способом и редеривацией. Не обращается поэт также к сращению с суффиксацией и к аббревиации. Из неморфологических способов поэта несколько привлекают конверсия (*мреть* 'преходящее, суетное'; 1, 159; 1, 185) и сращение (*вбряк* 'вкривь и вкось'; 3, 118; 3, 375). Крайне редко обращается С. Есенин к окказиональным способам словопроизводства, предпочитая им узуальные. Выявлен только один случай образования неологизмов путём агглютинации (*Израмитил*, от *Изра(иль)* + *Мисти(ка)* – по определению Есенина, 'мистическое изографство'; 4, 176).

В то же время у Маяковского обнаруживается пристрастие к аффиксидному способу (*американовидный* 'похожий на американца', 11, 69; *сыщикообразный* 'имеющий сходство с сыщиком', 11, 14; *полунебоскрёб* 'высокое здание, почти небоскрёб', 9, 20), суффиксально-постфиксальному способу (*буквиться* 'выделяться наподобие букв', 8, 95; *помпадуриться* 'самодурствовать', 9, 131), сокращению (*аэро* 'аэроплан', 4, 128; 11, 209; *измы* 'слова, имеющие в основе суффикс -изм- и обозначающие названия общественно-политических и литературных направлений', 2, 157; 9, 123; *исты* 'слова, имеющие в основе суффикс -ист- и обозначающие названия лиц по их принадлежности к общественно-политическим и литературным направлениям', 4, 120, ср. у Игоря-Северянина, В. Хлебникова и мн. др. поэтов), аббревиации (*акстарьё* 'академическое старьё', 12, 46; *атокеан* 'Атлантический океан', 13, 162), сращению (*вперекладку* 'вперемежку', 5, 22), сращению с суффиксацией (*алексейтолстовский* 'отно-

сящийся к Алексею Толстому», 12, 160; *баарбанить* 'бар + баня; мыть бар в бане', 2, 127), сложению с префиксацией (*антиволоконто-аппарат* 'аппарат для устранения волокиты в делах', 10, 83), сложению с префиксацией и суффиксацией (*протрубочиститься* 'подвергнуться чистке подобно печным трубам', 11, 610; *раззолотонебеть* 'о небе: окраситься в золотой цвет', 4, 133), редеривации (*приснить* 'создать сон', 7, 91; *щен* 'щенок', 10, 220–221), контаминации (*аэросипед* 'аэроплан + велосипед', 6, 336; *бе-белена* 'Бebelь + белена', 8, 180).

Анализ лексических неологизмов С. Есенина показывает, что по склонности к словотворчеству поэт находится в ряду таких собратьев по перу, как А. Блок, А. Белый, В. Иванов и др., для кого словотворчество было не самоцелью, а дополнительным способом выразить своё отношение к живописуемому словесными красками миру. Как и многие поэты, С. Есенин отнюдь не часто обращается к построению слововиществ. Самовитое слово нужно ему скорее для рифмы, создания необычного колорита в тексте, чем для игры слов, зауми, манипуляции образами. При этом значительная часть есенинских новообразований сродни диалектизмам и просторечным словам, насыщавшим речь поэта в раннем периоде творчества. Но во всём этом, однако, проявляется тонкий вкус и умение слышать и чувствовать родное русское слово, что и отличает поэзию С. Есенина от поэзии, например, Д. Бурлюка и В. Маяковского, которые в своём словотворчестве стремились к удвоению смысловой энергии слова, экспрессии и эпатажу. «Все словообразования Маяковского – даже самые смелые и неожиданные – находят аналогии либо в живой разговорной речи, либо в богатейшем языкотворчестве народной поэзии» [14: 244]. Именно поэтому неологизмы Маяковского отличаются таким многообразием моделей и стилистических нюансов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Humesky Assya. Some Observations on the Neologisms of Igor' Severjanin and Majakovskij. – München: Logos, 1971.
2. Humesky Assya. The neologisms in the poetry of the russian futurists – Igor' Severjanin and Vladimir Majakovskij. – Cambridge, 1955.
3. Агасов Г. Языковое новаторство Вл. Маяковского // Литературная учёба. – 1939. – № 2.
4. Винокур Г.О. Маяковский – новатор языка. – М., 1943.
5. Воробьёва Т.Б. Окказионализмы в поэзии В.В. Маяковского: (Лингвостилистический аспект): Дисс... канд. филол. наук. – М., 1982.

6. Есенин С.А. Полное собрание сочинений: В 7 тт. (9 кн.). – М., 1995 – 2001.
7. Колесников Н.П. Словарь неологизмов В.В. Маяковского / Под ред. акад. РАО Н.М. Шанского. – Тбилиси, 1991.
8. Лопатин В.В. «Синь, упавшая в реку». Об одном словообразовательном приёме С. Есенина // Русская речь. – 1970. – № 4. – С. 8–13.
9. Никульцева В.В. Идентичные неологизмы в поэтическом языке Владимира Маяковского и Сергея Есенина // Русская речь. – 2010. – №1–2 (в печати).
10. Осипов Б.И. Неологизмы, устаревшие и областные слова в языке поэзии С.А. Есенина. – Барнаул, 1973.
11. Осипов Б.И. Сравнительный анализ некоторых неологизмов С.А. Есенина и В.В. Маяковского // Семантические и словообразовательные отношения в лексике русского языка: Межвуз. сб. научных тр. – Куйбышев, 1981. – С. 143–146.
12. Певная Р.А. Глагольные новообразования Маяковского: Дисс... канд. филол. наук. – Тбилиси, 1948.
13. Петросов К.Г. Молодой Маяковский в литературной борьбе: (Из истории взаимоотношений и творческой полемики с Игорем Северяниным) // Русская литература XX века: (Дюктябрьский период). Сб. статей. – Калуга, 1968. – С. 22–46.
14. Тренин В., Харджиев Н. Маяковский о языке // Харджиев Н., Тренин В. Поэтическая культура Маяковского. – М., 1970.
15. Тренин В.В. В мастерской стиха Маяковского. – М., 1991.
16. Ханпира Э.И. Окказиональное словообразование В.В. Маяковского (отыменные глаголы и причастия): Дисс... канд. филол. наук. – М., 1966.
17. Харджиев Н. Маяковский и Игорь Северянин // Russian Literature. – Amsterdam, 1978, vol. 6, №4. – P. 307–346.
18. Харджиев Н. Маяковский и Хлебников // To Honor Roman Jakobson. Vol. III. – The Hague, Paris: Mouton, 1967.
19. Чернова В.И. Эмоционально-оценочное суффиксальное словообразование в системе имён существительных (по материалам произведений В. Маяковского): Дисс... канд. филол. наук. – Орёл, 1954.
20. Маяковский В.В. Полное собрание сочинений: В 13 тт. – М., 1955–1961.

V. Nikultseva

THE COMPARATIVE ANALYSIS OF NEOLEXICONS OF SERGEY YESENIN AND VLADIMIR MAYAKOVSKY

Abstract. In this article the comparative analysis of neolexicons of S. Yesenin and V. Mayakovsky has been performed. It is established that Yesenin infrequently resorts to creation of neologisms, which on a form and content remind regional and out-of-date words and serve for the poet as additional way to express the relation to the world around. On the contrary, Mayakovsky's numerous expressional neologisms, differing variety of models and

stylistic nuances, are close to colloquial-everyday popular speech of 1920–1930th of the XX-th century and, being entered into the art and publicistic text, serve as generation means of “language balancing act” – word-plays, irony, paronymic attraction and many others. In compared neolexicons the layer of identical new

growths that testifies to processes of creative interference is revealed.

Key words: word creation, usual and occasional ways of a derivation, neolexicon, individually-author’s neologism, art text, Silver age, comparative analysis of neologisms, dictionaries of language of writers.

УДК 811.161.1’81’342.9

Осетров И.Г.

ПРОБЛЕМЫ ТИПОЛОГИИ РУССКОЙ СИНТАГМЫ*

Аннотация. В статье делается попытка установить основания классификации синтагм в русской речи.

Ключевые слова: единица речи, синтагма, принципы классификации.

Линейная протяжённость синтагмы может колебаться, по свидетельству Н.В. Черемисиной, от одной до семи лексических единиц [Черемисина Н.В., 1989, с. 29]: *Да/, я не потеряюсь//* (И. Бродский); *На столиках/ шкатулки/ – бисерные/, и кожей обделанные/, и разрисованные/, и хрустальные//* (А. Ремизов); *Если б не насмерть//, ходил бы тогда/ Тоже/ – Героем//* (В. Высоцкий). Причины такого разброса разнообразны и требуют интерпретации.

Одна из первых разновидностей синтагматической методики встречается, по сути дела, в трудах Ф. де Соссюра, где сформулировано типовое синтагматическое отношение «определяемое – определяющее», которое позволяет выделить лишь детерминативные синтагмы, состоящие не менее чем из двух членов. Эту ограниченность круга выделяемых типов синтагм, следующую из положений Ф. де Соссюра, комментирует С.И. Карцевский, обсуждая вопрос о том, что предикативные синтагмы не соответствуют комплексу единиц, способных выражать названное выше типовое отношение. Возможно, именно поэтому С.И. Карцевский осторожно подходит к соссюрианскому пониманию синтагмы, подчёркивая, что «отношение определяемого к определению, несомненно, является одним из самых распространённых, но, конечно, – продолжает он, – мы далеки от того, чтобы рассматривать его как единственно возможное синтагматическое отношение» [Карцевский С.И., 1928, с. 37].

Подробный анализ различных концепций и классификаций синтагмы, бытовавших в первой половине XX века, даётся в классической работе В.В. Виноградова «Понятие синтагмы в синтаксисе русского языка» [Виноградов В.В., 1975, с. 3]. Важно не упустить подчёркиваемую В.В. Виноградовым расплывчатость объёма синтагмы, связанную не только с тем разнообразием точек зрения, который существовал на момент написания статьи, но и вариативностью синтагматического членения одного и того же высказывания, которая была им дана в том числе при анализе того, как делится на синтагмы чеховское предложение «Жизнь потекла как по маслу».

Учитывая огромное разнообразие факторов, влекущих варьирование границ синтагмы, первоначально должен быть положительно решён вопрос о допустимости классификации единиц синтаксиса речи. Мы считаем справедливой точку зрения, согласно которой содержание понятия «речь» включает не только указание на действие сиюминутного характера, но и подразумевает существование типов (моделей) высказываний [Прияткина А.Ф., 2004, с. 321].

Известны попытки описания синтагмы, учитывающие, в первую очередь, морфологическую природу входящих в состав синтагмы слов, что даёт в руки исследователя некоторый объективный (и собственно языковой), но всё же имеющий, как правило, внешний критерий по отношению к синтагме. Синтагма же – в меньшей мере формальный элемент синтаксиса (а именно эта сторона выходит на первый план при использовании морфологического фактора в качестве классифицирующего), нежели словосочетание и предложение. Она в значительно большей степени функционально-речевая единица (ср.: «Синтагма – понятие не столько фонетическое,

* © Осетров И.Г.